

Organization of the vocabulary and language transformation processes in the Vienna dialect

The issues of the Austrian dialects description, their vocabulary research and the prospects in the Austrian national variant of the modern German language are still urgent and scientifically significant. The author relies on the point that at present the Vienna dialect is the leading and the most prestigious Austrian dialect. There are revealed the basic peculiarities of its vocabulary, given the classification of the dialectal lexical units and the conclusions about the language transformation processes in the Vienna dialect.

Key words: *the Austrian national variant of the German language, the Austrian dialects, the Vienna dialect, vocabulary peculiarities of the Vienna dialect, language transformation processes in the Vienna dialect.*

(Статья поступила в редакцию 03.09.2015)

Н.С. БЕЛЬСКАЯ
(Тюмень)

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ДИАГНОСТИКИ ДОСТОВЕРНОСТИ СООБЩАЕМОГО КАК ДИСКУРСИВНОЙ КОГНИТИВНО-КОММУНИКАТИВНОЙ КАТЕГОРИИ В РАМКАХ ПРОВЕДЕНИЯ ПСИХОЛОГО-ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Описан методологический подход к лингвистической диагностике достоверности сообщаемого. Актуальность определяется потребностью в выработке валидной методики для установления отношения говорящего к передаваемой им информации с позиции не только истинности/ложности высказывания, но и различной степени полноты и характера знаний говорящего об излагаемом (эпистемическая установка).

Ключевые слова: *комплексная психолого-лингвистическая экспертиза с применением психофизиологического тестирования, когнитивно-коммуникативная категория достоверности сообщаемого, эпистемическая модальность, регулярное речевое поведение, спонтанная устная речь, пропозициональное знание, нефактуальное (непропозиционное) знание.*

Психологический, психофизиологический и лингвистический аспекты лжи остаются актуальным полем для теоретических и прикладных исследований, в частности, ориентиро-

ванных на судебную экспертизу. Так, в области психологии и психофизики в нашей стране известен ряд запатентованных методик верификации сообщаемой информации на основе экспертной оценки картины специфических признаков психофизиологического состояния человека с применением контактных и бесконтактных инструментально-аппаратных комплексов тестирования или же без таковых (к примеру, способ диагностики ложности сообщаемой информации на основе структурированного интервью по параметрам невербального поведения человека [7]). В российском языкознании имеет место тенденция системного изучения феномена лжи с позиции теории речевых актов, коммуникативных постулатов, конверсационного и дискурс-анализа речи, межкультурной прагматики, когнитивной лингвистики [1–10 и др.].

Вместе с тем менее изученной, на наш взгляд, остается свойственная когнитивной сфере человека мыслительная деятельность по интерпретации реальности посредством нефактуального, гипотетического знания, основанного на логическом мышлении или интуиции. Монологический дискурс, в котором находит выражение этот тип познания, как правило, обладает нестабильными речевыми признаками потенциальной, гипотетической или ирреальной модальности на фоне общей искренности говорящего, хотя может не отражать объективной картины действительности или в силу различных обстоятельств являться неverifiedируемым по отношению к реальным фактам. Речь идет об оппозиции «заблуждение/истинное суждение о факте», которую иногда можно образно описать выражением «принимать желаемое за действительное».

Проблема, обуславливающая практическую ценность разработки методического подхода к анализу такого речевого материала, заключается в том, что высказывания, содержащие нефактуальное знание, необходимо отграничивать от заведомой лжи ввиду отсутствия у говорящего ментальной установки на обман и дезинформацию. Зачастую это принципиально при затянувшемся расследовании уголовных дел, когда описываемые в показаниях события по истечении времени «обрастают» новыми сведениями, источником которых является уже не непосредственное описание фактов, а когнитивная деятельность сообщающего, включающая поиск информации как в соб-

ственной памяти, так и извне, выдвижение идей и построение гипотез, рассуждения и логические умозаключения, направленные на восполнение лагун в ответ на проблемные вопросы по делу и имеющие целью формирование собственного понимания произошедшего.

В данном случае комплексная психолого-лингвистическая экспертиза, как правило, должна ответить на следующие вопросы: «Имеются ли в речевом поведении X-а психологические, психофизиологические, лингвистические признаки донесения им адекватной, соответствующей действительности информации об излагаемых событиях или наличия скрываемых обстоятельств, конструирования им ложных высказываний? Каковы эти признаки и в связи с какой высказываемой информацией проявляются?»

Неотъемлемой прерогативой психолога при этом является исследование особенностей познавательных процессов (восприятия, памяти, мышления), интеллектуальных, личностных, эмоционально-волевых и иных индивидуально-психологических особенностей подозреваемого, могущих влиять на его способность к потенциальному восприятию, сохранению, воспроизведению и донесению информации о событиях объективной реальности, а также психического (эмоционального) состояния этого человека при конкретных произошедших событиях, обуславливающего его ситуативную возможность восприятия и сохранения адекватной, соответствующей действительности и детализированной информации о ситуации. Исследование речевого поведения в части определения психологических и психофизиологических признаков сообщения ложных или правдивых высказываний, наряду с контент-анализом имеющихся видеофрагментов допросов, может включать в себя применение метода свободной беседы с использованием аппаратно-программного комплекса психофизиологического тестирования и последующий анализ полученных данных.

Как показывает практический опыт, в сложных случаях возникает потребность оптимизировать методику лингвистического исследования. Примером может послужить ситуация, когда в исследуемом речевом поведении имеются психологические и психофизиологические признаки донесения правдивой информации об излагаемых событиях, отсутствуют признаки конструирования ложных высказываний, но вместе с тем выраженность (уровни стабильности и интенсивности) пси-

хофизиологических реакций подэкспертного показывает, что некоторые элементы сообщаемых им сведений не актуальны (не известны) для него полностью, ввиду чего невозможно установить их существенность в обстоятельствах произошедшего.

Комплексная психолого-лингвистическая экспертиза проводилась по уголовному делу, возбужденному в отношении неустановленных лиц по признакам преступления, предусмотренного пп. «а», «б» ч. 3 ст. 286 УК РФ (превышение должностных полномочий с применением насилия, оружия или спецсредств), по факту применения физического насилия в отношении X-а. Оно было выделено в отдельное производство из уголовного дела, в рамках которого два человека уже были признаны виновными, осуждены и понесли заслуженное наказание за данное преступление. По незавершенному следствием делу потерпевший X называл в числе нападавших на него еще пятерых человек. Следствие продолжалось несколько лет, на протяжении которых X-ом несколько раз были даны частично разноречивые показания, в отношении которых возникла необходимость в установлении коммуникативной достоверности изложенной информации экспертным путем.

Эксперты исследовали видеозаписи следственного эксперимента, допроса, психофизиологического обследования потерпевшего X-а, кроме того экспертом-психологом было проведено и зафиксировано на видео еще одно экспериментально-психологическое, психофизиологическое обследование с применением аппаратно-программного комплекса тестирования. Общая продолжительность видеозаписей – порядка 7 часов.

Полученная в результате психологического исследования картина индивидуально-психологических и когнитивных особенностей X-а и анализ его психофизиологических реакций в ходе свободной беседы с использованием полиграфа показали: а) его способность к потенциальному и ситуативному восприятию, сохранению, воспроизведению и донесению адекватной, соответствующей действительности и детализированной информации о событиях; б) предпочтительность соблюдения условия искренности с его стороны в процессе зафиксированной на видеозаписях речевой коммуникации.

Ниже мы представляем вниманию методологические основы проведенной лингвистической диагностики. Речевой материал со-

кращен, дается в вариантах эквивалентности, личные данные заменены.

Лингвистическое исследование зафиксированного на видеозаписях речевого поведения потерпевшего Х-а проводилось в несколько этапов. На предтекстовом этапе проводятся первоначальный просмотр видеозаписей, членение видеоряда на фрагменты и работа с ними. Основным содержанием текстового этапа являются просмотр и прослушивание видеозаписей, составление стенограмм речевого поведения посредством дискурсивной транскрипции, т.е. записи устной речи с фиксацией явлений, связанных с организацией локальной дискурсивной структуры.

На послетекстовом этапе выполняются:

– выявление с последующим количественным и качественным анализом вербальных и невербальных (просодических) средств, характеризующих речевое поведение говорящего для оценки речевых признаков, снижающих и повышающих достоверность сообщаемой им информации с точки зрения его лингвистически оформленного знания об этом сообщаемом;

– выборка высказываний, в речевом и дискурсивно-коммуникативном оформлении которых проявляются лингвистические признаки того, что сообщаемая информация соответствует действительности, объективной реальности с точки зрения степени полноты и характера лингвистически оформленного знания говорящего об излагаемой ситуации действительности.

На наш взгляд, эксперту-лингвисту необходимо ориентироваться на различия между гносеологическими категориями «истинность» и «достоверность», характеризующими содержание знания и его квалификацию говорящим с точки зрения соответствия действительности.

Истинность презумптивна, инвариантна и абстрагирована от субъекта, представляет собой сугубо логическую категорию, не соотносима с прагматическими факторами. Достоверность в дискурсе мы, вслед за Н.Н. Панченко, предлагаем понимать как когнитивное образование, сложную обязательную прагматическую информативно-квалификативную категорию с коммуникативно-организующей и регулирующей функциями, которая является субъективной и вариативной, т.е. зависима от адресата, но принадлежит сознанию говорящего и помимо объективного фактора (обоснованности, аргументированности знания)

обнаруживает субъективный фактор («присвоенность» истины, внутреннюю убежденность и уверенность субъекта познания/речи в правильности квалификации действительности) [6, с. 7–37].

По особенностям строения это категория оппозитивного типа со структурой в виде формальной шкалы (безусловная достоверность – проблемная достоверность – безусловная недостоверность) [Там же, с. 7]. Уверенность, очевидность, несомненность тяготеют к положительному полюсу достоверности, сомнительность, неуверенность – к отрицательному. Вероятность, видимость, возможность и кажимость составляют зону проблемной достоверности [Там же, с. 19].

Оценка достоверности информации говорящим представляет собой формирование в его сознании образа сообщаемого как соответствующего либо не соответствующего действительности с точки зрения его знаний об этом сообщаемом. С этим связана функционально-семантическая категория эпистемической модальности (ЭМ), которая отражает степень полноты и характер знаний говорящего о событии и лежит в основе разграничения эпистемических установок, соответствующих его различным когнитивным состояниям. В основу ЭМ положено понятие эпистемической установки (наличие/отсутствие у говорящего знаний о сообщаемом), а не степени уверенности (психическое эмоциональное состояние). В структуре значений ЭМ находит отражение источник сведений говорящего о ситуации, лежащий в основе оценки достоверности сообщаемого (категория эвиденциальности) [11, с. 161–166].

Общие речевые признаки, способные означать понижение статуса достоверности высказываемой информации с позиции говорящего, локализируются на уровнях моторной реализации речи, выбора слов, грамматического оформления высказывания, смысловой структуры речи, текстопорождения (прагматики) (сформулированы в [1; 4; 5 и др.]). Вместе с тем у различных людей эпистемическая установка проблемной достоверности сообщаемого может выражаться прямо противоположным образом.

Для выявления признаков речевой выраженности оценки потерпевшим Х-ом высказываемой им информации как соответствующей или не соответствующей действительности с точки зрения его лингвистически оформленного знания о сообщаемом был выделен

речевой паттерн недоверности излагаемой информации с позиции говорящего. Это регулярно повторяющиеся при определенных условиях индивидуальные особенности изменения параметров невербального (просодического) и вербального компонентов речевого поведения, свойственные потерпевшему X-у в контексте его спонтанной дискурсивной практики, включающей: а) речевое воспроизведение определенных значимых для него событий и ситуаций, а также рефлексию над ними; б) ответы на блоки вопросов, заданных специалистом-полиграфологом и экспертом-психологом в ходе психофизиологических и экспериментально-психологического обследований.

Была сделана выборка речевых ситуаций, позволяющая выявлять характерные для потерпевшего X-а тенденции изменений речевого поведения по каждому параметру и/или группе параметров. Вывод о речевых признаках достоверности/недоверности сообщаемой информации с точки зрения говорящего делался на основании сопоставления конкретной дискурсивной реакции с выявленным индивидуальным речевым паттерном недоверности. В ходе количественного анализа видеозаписей учитывались неподготовленность и творческий характер спонтанной речи (см. табл. на с. 138).

Речевое поведение человека при дискурсивном описании пережитого опыта может строиться в соответствии со следующими тенденциями выражения лингвистически оформленного знания о ситуации, как изолированно, так и в сочетаниях:

1. Пропозициональное знание означает наличие у субъекта достоверной информации о некотором событии или ситуации: *я знаю, что он пришел*. Пропозициональное знание не выражается предикатами возможности, поскольку обладает значением категорической достоверности с позиции говорящего, детерминированным объективным фактором обоснованности, аргументированности знания и субъективным фактором внутренней убежденности и уверенности субъекта познания/речи в правильности квалификации действительности. Таким образом, факт в значениях «реальное явление, событие, происшествие, то, что действительно произошло» и «достоверное знание» есть пропозиция, истинная в рамках данного дискурса, когда говорящим устанавливается такое представление о действительности, в котором нет элементов, связанных с ирреаль-

ностью, т.е. в языковом оформлении данной пропозиции нет признаков потенциальности и недоверности по ряду индивидуальных для субъекта информативных параметров речевого паттерна недоверности ни в одной из реальных речевых ситуаций при соблюдении условий искренности (доброй воли).

Фактивное высказывание дескриптивно, объективно, проверяемо, его источником являются как наблюдение за объективной реальностью, так и интеллектуальная реконструкция на основании предыдущего опыта говорящего или на основании общеизвестных фактов. Фактивное высказывание имеет форму утверждения с пресуппозицией знания и накладывает на говорящего ответственность за его соответствие действительности.

Дискурс говорящего искренний. Эпистемическая установка достоверности («Я знаю (уверен), что P») или недоверности («Я знаю (уверен), что не P»). Коммуникативная цель: донесение достоверного, полного знания о действительном положении вещей.

2. Нефактуальное (непропозиционное) знание обладает значением проблемной достоверности с позиции говорящего и проявляется обязательными эпистемическими сигналами – показателями субъективной модальности, понижающими достоверность сообщаемого до предполагаемого, возможного, вероятного соответствия действительности, что детерминировано отношением говорящего к тому, о чем он сообщает, т.е. эпистемической и психологической установкой говорящего на гипотетичность, сомнение и подобное. Дискурс искренний. Эпистемическая установка (ЭУ) проблемной достоверности «Я не знаю (не уверен), P или не P» (ЭУ предположительной достоверности «Я не знаю (не уверен), P или не P, но предполагаю, что P»; ЭУ предположительной недоверности «Я не знаю (не уверен), P или не P, но предполагаю, что не P»; ЭУ эпистемической возможности «Я не знаю (не уверен), P или не P, но полагаю возможным как P, так и не P», разновидность этой модальности «Я знаю, что P, но я могу ошибаться» [11, с. 162–163]. Коммуникативная цель: донесение информации, соответствующей возможному положению вещей в действительности, при отсутствии у говорящего полного, исчерпывающего знания о ее достоверности.

3. Пропозициональная ложь – высказывание, которому свойственна ложная предикативность, т.е. намеренное изложение нефактов с маскировкой под фактуальные данные, кото-

Информативные параметры невербального и вербального компонентов
речевого поведения потерпевшего X

Комплекс базовых речевых признаков, снижающих достоверность сообщаемой информации с позиции говорящего (речевой паттерн недостоверности)	Комплекс базовых речевых признаков, соответствующих достоверности сообщаемой информации с позиции говорящего
<i>Темп и фразовый тональный рисунок речи</i>	
Замедленный темп речи с частыми и длительными поисковыми паузами. Резкие перепады темпа речи, колебания движений тона, нарушение темпоральной цельнооформленности высказываний в пределах одного смыслового фрагмента	Нормальный или ускоренный (без понижения тона) темп речи
<i>Паузы хезитации</i>	
Наличие немотивированных контекстом средних и длинных абсолютных и вокализованных пауз хезитации (учитывалось, что паузация речи в видеозаписи допроса может также носить диктовочный характер). Изменение длительности латентного периода реакции на реплику собеседника	Короткие паузы хезитации или отсутствие затруднения в поиске слов при реализации высказывания с компенсацией посредством эпизодического использования привычных для говорящего асемантических единиц речи и непреднамеренных повторов
<i>Некоторые явления дискурсивной просодии, сложным и кумулятивным образом передающие семантику иллокуции (тип речевого акта), фазы (завершенность/незавершенность)</i>	
Интонационное выражение значения неполноты информации, совмещенное с завершением иллокуции/ с иллокутивной незавершенностью, сопровождаемое сильными фальстартами, при реализации значимых по смыслу пропозиций	Интонационное выражение значения смысловой достаточности реализуемой пропозиции, иллокутивной завершенности, с возможными фальстартами на смысловой периферии высказывания
<i>Эпистемическая (связанная со знанием) градуальность, строится с помощью эксплицитных эпистемических показателей, сигналов</i>	
Регулярное употребление слов с неконкретными значениями, выражающих неуверенность, сомнение, возможность при реализации значимых по смыслу пропозиций: местоимения в заместительной функции (<i>он, все и подобные</i>), неопределенные местоимения (<i>где-то, кто-то, че-то</i>), наречия (<i>примерно, приблизительно, ближе, около, несколько, недолгое время</i>), вводные конструкции (<i>наверное, в основном</i>), модальные слова (<i>вполне возможно, возможно</i>), союзы (<i>либо..., либо, или, то ли..., то ли</i>), определительно-личные предложения (<i>затрудняюсь/не могу ответить, так выходит, получается, насколько я помню, может быть, не помню, не могу сказать, не знаю, в любом случае, вроде, в общем, не видел, фиг его знает, могу сказать неточно, не берусь определить, можно сказать, скорей всего, могу ошибиться, мог не видеть, не могу конкретно/точно описать, могу усомниться, могу нечетко помнить, как я воспринимаю, допускаю, мне показалось, кто-то похожий на него либо вообще кто-то другой, не хочу утверждать</i>)	Отсутствие регулярного специального маркирования достоверности информации, содержащейся в пропозициях

рое может с различной степенью иллокутивной силы выражаться как в собственно конструировании ложных высказываний, так и в намеренном управлении пониманием, манипулировании истиной.

Дискурс говорящего неискренний. Коммуникативная цель: информировать адресата неправильно, создав у него ложную ментальную картину (пропозицию). Условия успешности ложного речевого акта: 1) условие пропозиционального содержания: выражая мысль, что **p**, отправитель сообщения не верит в то, что **p**;

2) условие предварительного знания получателя: отправитель должен иметь основания для того, чтобы получатель поверил в истинность утверждения. Это условие предопределяет иллокутивную невозможность использования говорящим модальных экспликативных проблемной достоверности; 3) условие намеренности: отправитель намеренно утверждает, что **p**, чтобы получатель поверил в истинность утверждения (установление реальных некоммуникативных намерений говорящего не входит в компетенцию эксперта); 4) суще-

ственное условие: дискурсивные функции лжи (установление субъективных мотивов и дискурсивной обусловленности лжи не входит в компетенцию эксперта) [3, с. 106].

По результатам лингвистического анализа и психофизиологического обследования было установлено, что дискурс речевого поведения потерпевшего Х-а не содержал искажений на уровне смысловой структуры речи, т.е. отсутствовали оговорки и нарушения логической связи в высказываниях; нарушения контактных и дистантных межфразовых связей; значимые рассогласования на уровне актуального членения высказываний; двусмысленность по типу конверсационных имплицатур, пресуппозиций, механизма фокусирования референта; манипулятивные аргументативные и стилистические приёмы; нарративная трансформация картины мира путем изменения ее объема и семантических переносов.

Вместе с тем в речи Х-а в семантике утвердительных предложений представлены как эксплицитные эпистемические показатели и сигналы проблемной достоверности, так и пресуппозиции достоверности сообщаемой информации с точки зрения его собственного лингвистически оформленного знания о сообщаемом. Эти данные свидетельствуют о том, что зафиксированный в исследованных видеозаписях речевой дискурс Х-а – искренний; Х строит свой речевой дискурс в соответствии с двумя четко выраженными тенденциями смыслопостроения: А) выражение пропозиционального знания об излагаемых событиях; Б) выражение нефактуального (непропозиционного) знания об излагаемых событиях.

Эта концепция лингвистической части исследования на стадии экспериментально-психологического и психофизиологического обследования потерпевшего Х-а подтвердилась тем, что он сам сформулировал и высказал личную установку на оценку излагаемой информации с точки зрения соответствия или несоответствия действительности как свое эпистемическое (связанное с знанием) обязательство: «/Двое \да. /Ну просто я еще узнал · ээ \выходит /Х · \потом · /С · илии \Б · /это выходит \в общей сложности их сейчас пять. \новых. /Вот скажем я могу **засомневаться** \ **позволить как бы себе** /ну может быть **в самом деле** · \потому что как вот \и мне **говори** /что может ты просто **видел их** \и **воспринимаешь** · /Ну вот **нечетко запомнить** я мог \вот именно вот этих лиц. \ То есть как

я вот **вижу**, \что это он. Вполне возможно что как бы их \я могу как бы,,, /из-за того что они \были просто недолго. **Так-то конечно** \я у= || **в себе-то я уверен** \просто действительно **неохота оговорить их**. /Да я их увидел \я их узнал но вот... /**возможно**, \это я **признаю** · /только из-за того что у меня \не было с ними · \ни с кем · /такого **более контакта** как бы \что я мог уже **точно** сказать. **То есть** \там / **либо** \там /кто-то **похожий на него** **либо** там **вообще** кто-то **другой был**, /он **стоял** \ **может быть** /мне **показалось** \что он **ударил**, / вот это,,, /ну \я **допускаю этот момент**. /Я **не хочу** \как бы щас ннн || **утверждать** /но я **считаю** \что это был он. · /если как быы \там · / **есть** какие-то у негооо · \алиби **свои** · /как бы я их оспаривать **не собираюсь я не хочу** \там **настаивать**. /-Я могу **настаивать** · /уверенно \на **двух** лиц \там, **прямо** ээ /**безоговорочно настаивать** \и оспаривать /это **М**. \и это **З**. /**Это сто процентов**. \В тех, в **остальных** /да, \где-то **похожие**, **еще что-то**, не знаю».

Подчеркиванием выделены модальные экспликативы (маркеры) пропозиционального (достоверного) знания, полужирным шрифтом – маркеры нефактуального непропозиционного знания (**проблемной достоверности**): слова с неконкретными значениями, выражающие неуверенность, сомнение, возможность. Абсолютные паузы хезитации: ... (до 3 с.) – короткие, ... (3–7 с.) – средние, ... (более 7 с.) – длинные. Знак , – пауза короткая по длительности для добора воздуха. Знаки ... /,,, – значение неполноты информации, совмещенное с завершением иллокуции/ с иллокутивной незавершенностью. Вокализация пауз: ээ, мм и т.д. Знак косой черты – акценты, тоны в акцентах: / восходящий, \ нисходящий, /– восходяще-ровный. Знак = – обрыв слова. Знак || – слабый фальстарт (точка прерывания при самоисправлении внутри/на границе дискурсивных единиц). Подчеркивание волнистой чертой означает **эмфатическое выделение, логическое ударение**. Курсивом здесь обозначен **ускоренный** темп речи.

Исходя из вышесказанного, целесообразно было выделить в речевом дискурсе потерпевшего Х-а содержательно-фактуальные пропозиции с эпистемическим модусом достоверности, которые описывают произошедшую ситуацию применения к нему физического насилия, т.е. такие пропозиции, в языковом оформлении которых нет индивидуальных информативных речевых показателей проблемной достоверности сообщаемого ни в одной из ре-

чевых ситуаций при соблюдении условий искренности (доброй воли).

В рамках данного речевого дискурса такие пропозиции будут являться истинными, поскольку их языковое оформление стабильно соответствует коммуникативной цели донесения достоверного знания о ситуации, что подразумевает соответствие следующим обязательным условиям:

– X регулярно выражает информацию фактивными высказываниями, которые дескриптивны, объективны, проверяемы, имеют форму утверждений с пресуппозицией знания (ЭУ категоричной достоверности «Я знаю (уверен), что Р», где Р – оцениваемая пропозиция) и накладывают на говорящего ответственность за их соответствие действительности;

– X оценивает сообщаемую им информацию как достоверную адекватно его пропозициональному знанию об этой ситуации, обусловленному объективным фактором обоснованности его знания о сообщаемом и субъективным фактором его внутренней убежденности и уверенности как субъекта познания/речи в правильности понимания действительности;

– X признает истинным пропозитивное содержание высказываемой им информации согласно его субъективным представлениям об истинности, при этом его знание о сообщаемых фактах соотносится с его суждениями о фактах, а не с непосредственным положением дел в действительности, т.к. не каждое истинное убеждение является полноценным знанием о факте.

Таким образом, высказывание потерпевшим X-ом информации в форме утверждения о факте в модальности действительности с пресуппозицией достоверного знания о сообщаемом «Я знаю (уверен), что Р» (где Р – оцениваемая пропозиция) при отсутствии индивидуально характерных для него речевых показателей недостоверности и проблемной достоверности сообщаемого с точки зрения лингвистически оформленного знания о нем (модальности недействительности) и при соблюдении условий искренности (доброй воли) означает, что излагаемая им информация, с его точки зрения, соответствует действительности.

Условие искренности (доброй воли) означает, что, излагая информацию как реальный и достоверный факт, X имеет психологическую или ментальную установку на оценку сообщаемого как соответствующего действительности, личностно обусловленную для него объективным фактором обоснованности его зна-

ния о сообщаемом и субъективным фактором его внутренней убежденности и уверенности в правильности понимания действительности.

Анализ речевого поведения X-а показал, что на вербальном уровне он излагал информацию искренне, в речевой манере, которая свойственна ему при изложении реальных и достоверных фактов, не сопровождая оценкой недостоверности или проблемной достоверности с точки зрения своего лингвистически оформленного знания о сообщаемом и зная, что избранная им языковая форма фактивного высказывания допускает проверку на соответствие названных фактов действительному положению дел.

Ввиду особенностей восприятия и сохранения X-ом детализированной информации в ситуации применения к нему насильственных действий, высказываемая им информация о роли в произошедшем троих из перечисляемых им лиц сопровождалась множественными речевыми показателями нефактуального, неполного знания об излагаемых обстоятельствах (предположения, возможности, вероятности), в связи с чем не представилось возможным установить, соответствует ли данная информация объективной реальности с точки зрения лингвистически оформленного знания X-а о данных предметах речи. При этом установление степени достоверности показаний относительно объективной реальности (проверка утверждаемых фактов на предмет соответствия действительности), а также мотивации показаний, заведомой лжи, оговора, добросовестного заблуждения не входит в компетенцию экспертов.

Список литературы

1. Ленец А.В. Коммуникативный феномен лжи: лингвистический и семиотический аспекты: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Ростов на/Д., 2010.
2. Литвинова Т.А., Литвинова О.А., Шевченко И.С., Рыжкова Е.С. К проблеме анализа текста на предмет наличия в нем заведомо ложной информации // Личность, речь и юридическая практика : сб. материалов XV Международ. конф. (Ростов-на-Дону, ДЮИ, март 2014 г.). Ростов н/Д : Изд-во «Дон» Рост. юрид. ин-та, 2014. Вып. 17. С. 132–135.
3. Матвеева Г.Г., Ленец А.В., Петрова Е.И. Основы прагмалингвистики. М.: Флинта: Наука, 2013.
4. Носенко Э.Л. Особенности речи в состоянии эмоциональной напряженности. Днепропетровск. : Изд-во Днепр. ун-та, 1975.

5. Орлова Н.В. Проблема правды/лжи в судебной лингвистической экспертизе // Дискурс лжи и ложь как дискурс: материалы Всерос. науч. конф. (Новосибирск, 20–21 октября 2011 г.) URL : http://siberia-expert.com/publ/satti/stati/problema_pravdy_lzhi_v_sudebnoj_lingvisticheskoj_ekspertize_n_v_orlova/4-1-0-204.
6. Панченко Н.Н. Достоверность как коммуникативная категория: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19. Волгоград, 2010.
7. Пат. ИЗ 2415645 Российская Федерация. Способ диагностики ложности сообщаемой информации на основе структурированного интервью / Романова Н.М., Самохина М.А., Семенов В.В., Иванов Л.Н.; патентообладатель Саратов. гос. ун-т им. Н.Г. Чернышевского, опубл. 08.10.09.
8. Плотникова Н.С. Неискренний дискурс (в когнитивном и структурно-функциональном аспектах). Иркутск: Изд-во Иркут. гос. линг. ун-та, 2000.
9. Попчук О.М. Лингвистические и паралингвистические средства реализации ложного высказывания в акте коммуникации : автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.21. М., 2006.
10. Шаховский В.И. Человек лгущий в реальной и художественной коммуникации // Человек в коммуникации: аспекты исследования. Волгоград, 2005. С. 173–204.
11. Швец В.М. Субъективная (эпистемическая) модальность и ее выражение в детской речи // Семантические категории в детской речи / отв. ред. С.Н. Цейтлин. СПб.: Нестор-История, 2007. С. 161–181.
6. Panchenko N.N. Dostovernost' kak kommunikativnaja kategorija: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk: 10.02.19. Volgograd, 2010.
7. Pat. IZ 2415645 Rossijskaja Federacija. Sposob diagnostiki lozhnosti soobshhaemoj informacii na osnove strukturirovannogo interv'ju / Romanova N.M., Samohina M.A., Semenov V.V., Ivanov L.N.; patentoobladatel' Sarat. gos. un-t im. N.G. Chernyshevskogo, opubl. 08.10.09.
8. Plotnikova N.S. Neiskrennij diskurs (v kognitivnom i strukturno-funkcional'nom aspektah). Irkutsk: Izd-vo Irkut. gos. ling. un-ta, 2000.
9. Popchuk O.M. Lingvisticheskie i paralingvisticheskie sredstva realizacii lozhnogo vyskazyvanija v akte kommunikacii : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.21. M., 2006.
10. Shahovskij V.I. Chelovek lgushhij v real'noj i hudozhestvennoj kommunikacii // Chelovek v kommunikacii: aspekty issledovanija. Volgograd, 2005. S. 173–204.
11. Shvec V.M. Sub#ektivnaja (jepistemicheskaja) modal'nost' i ee vyrazhenie v detskoj rechi // Semanticheskie kategorii v detskoj rechi / отв. ред. С.Н. Цейтлин. СПб.: Нестор-История, 2007. С. 161–181.

* * *

1. Lenec A.V. Kommunikativnyj fenomen lzhi: lingvisticheskij i semioticheskij aspekty: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk: 10.02.19, 10.02.04. Rostov na/D., 2010.
2. Litvinova T.A., Litvinova O.A., Shevchenko I.S., Ryzhkova E.S. K probleme analiza teksta na predmet nalichija v nem zavedomo lozhnoj informacii // Lichnost', rech' i juridicheskaja praktika : sb. materialov XV Mezhdunar. konf. (Rostov-na-Donu, DJul, mart 2014 g.). Rostov n/D : Izd-vo «Don» Rost. jurid. in-ta, 2014. Vyp. 17. S. 132–135.
3. Matveeva G.G., Lenec A.V., Petrova E.I. Osnovy pragmalingvistiki. M.: Flinta: Nauka, 2013.
4. Nosenko Je.L. Osobennosti rechi v sostojanii jemocional'noj naprjazhennosti. Dnepropetrovsk. : Izd-vo Dnepr. un-ta, 1975.
5. Orlova N.V. Problema pravdy/lzhi v sudebnoj lingvisticheskoj jekspertize // Diskurs lzhi i lozh' kak diskurs: materialy Vseros. nauch. konf. (Novosibirsk, 20–21 oktjabrja 2011 g.) URL : http://siberia-expert.com/publ/satti/stati/problema_pravdy_lzhi_v_sudebnoj_lingvisticheskoj_ekspertize_n_v_orlova/4-1-0-204.

Methodological grounds of the linguistic diagnostics of message reliability as the discursive cognitive and communicative category in the course of a psychological and linguistic expertise

There is described the methodological approach to the linguistic diagnostics of message reliability in the course of a psychological and linguistic expertise. The urgency is determined by the need to develop the valid methodology aimed at establishment of speaker's attitude to the information transmitted not only from the position of truth/falsity of a message but also from the point of fullness and character of speaker's knowledge about the information given (epistemic purpose).

Key words: *complex psychological and linguistic expertise with the use of psychophysiological testing, cognitive and communicative category of message reliability, epistemic modality, regular speech behavior, spontaneous oral speech, propositional knowledge, non-factual (non-propositional) knowledge.*

(Статья поступила в редакцию 14.09.2015)